

Детство

Винчи, 1452–1464

ДА ВИНЧИ

Леонардо посчастливилось родиться вне брака. Иначе бы ему пришлось сделаться нотариусом. Все старшие законные сыновья в его роду — по меньшей мере в пяти поколениях до него — становились нотариусами.

Его семейные корни со стороны отца прослеживаются до начала XIV века, когда его прапрапрадед Микеле работал нотариусом в тосканском городке Винчи, расположенном в горной местности примерно в 43 километрах к западу от Флоренции*. С расцветом купечества и экономики в Италии нотариусы стали играть важную роль — ведь они составляли торговые договоры, акты о купле-продаже земли, завещания и другие документы на латыни, часто уснащая их историческими справками и цветистыми литературными выражениями.

* Леонардо да Винчи иногда неправильно называют просто “да Винчи”, как будто это его фамилия, а не прозвище, означающее “из Винчи”. Однако такое словоупотребление не столь уж вопиющая ошибка, как заявляют некоторые пуристы. При жизни Леонардо итальянцы начали все чаще упорядочивать и вносить в реестры наследственные фамилии, и многие из них, вроде Дженовезе или Ди Каприо, происходили от названия родных городов той или иной семьи. И Леонардо, и его отец Пьеро часто присоединяли к своим именам прозвище “да Винчи”. Когда Леонардо переехал в Милан, его друг, придворный поэт Бернардо Беллинчони, именовал его в своих сочинениях “Леонардо Винчи, флорентиец”. (Прим. авт.)

К Микеле, как ко всякому нотариусу, почтительно обращались “сер”, таким образом, он именовался сер Микеле да Винчи. Его сын и внук оказались еще более преуспевающими нотариусами, последний даже сделался канцлером Флоренции. А вот Антонио, следующее звено в семейной цепочке, не оправдал надежд. Он тоже величался почетным титулом “сер” и женился на дочери нотариуса, но, по-видимому, ему недоставало честолюбия, свойственного другим мужчинам из рода да Винчи. Почти всю жизнь он кормился доходами от родовых земель, обрабатывавшихся издольщиками и дававших скромное количество вина, оливкового масла и пшеницы.

Сын Антонио Пьеро оказался противоположностью своего апатичного отца и добился больших успехов в Пистойе и Пизе, а потом, примерно в 1451 году, в возрасте 25 лет, обосновался во Флоренции. В одном деловом контракте, заключенном им в тот год, указан его рабочий адрес: “*palazzo del Podestà*” — здание мэрии (ныне там музей Барджелло), стоящее напротив Палаццо дела Синьория, где заседало правительство. Он составлял нотариальные акты для флорентийских монастырей и религиозных орденов, для имевшейся в городе еврейской общины, а по крайней мере однажды ему поступил заказ от семейства Медичи¹.

Однажды, приехав на время в родной Винчи, Пьеро вступил в связь с местной незамужней девушкой-крестьянкой, и весной 1452 года у них родился сын. Дед мальчика, Антонио, найдя применение редко ему пригождавшемуся профессиональному почерку, сделал запись о его рождении внизу последней страницы записной книжки, которая некогда принадлежала его собственному деду: “1452: у меня родился внук, сын моего сына сера Пьеро, в 15-й день апреля, в субботу, в третьем часу ночи [т. е. в 10 часов пополудни]. Назвали его Леонардо”².

Мать Леонардо не удостоена упоминания ни в этой записи Антонио о рождении внука, ни в какой-либо другой записи о рождении или крещении. Из налогового документа, составленного пятью годами позже, мы узнаем только ее имя — Катерина. Ее личность долгое время оставалась загадкой для ученых. Считалось, что в пору рождения сына ей было около двадцати пяти лет, а некоторые исследователи высказывали предположения, что она могла быть рабыней — причем, возможно, арабкой или даже китайкой³.

В действительности, это была бедная 16-летняя девушка-сирота из-под Винчи, и звали ее Катерина Липпи. Доказав, что и сегодня вполне возможны открытия, касающиеся Леонардо, оксфордский искусствовед Мартин Кемп и флорентийский архивист Джузеппе Паллантони нашли в 2017 году документы, свидетельствующие о ее происхождении⁴.

Катерина родилась в 1436 году в бедной крестьянской семье и осталась сиротой в 14 лет. Вместе с братом-младенцем она перебралась к бабушке, но через год, в 1451-м, умерла и бабушка. Катерине пришлось добывать пропитание для себя и для брата самостоятельно. В июле того же года она вступила в связь с Пьеро да Винчи, преуспевающим и видным юношей, которому было в ту пору 24 года.

Вряд ли он женился бы на ней. Хотя один ранний биограф называл Катерину женщиной “хороших кровей”⁵, она и ее возлюбленный принадлежали к разным общественным сословиям, и Пьеро, скорее всего, уже обручился со своей будущей женой, которая составляла ему подходящую партию: 16-летняя Альбиера была дочерью известного флорентийского башмачника. Они с Альбиерой поженились через восемь месяцев после рождения Леонардо. Скорее всего, этот брачный союз, обоюдный выгодный и в социальном, и в профессиональном отношении, семьи жениха и невесты устроили заранее, еще до рождения Леонардо, и составили договор о приданом.

Желая уладить все как следует, Пьеро вскоре после рождения Леонардо помог выдать Катерину замуж за местного крестьянина и обжигальщика, как-то связанного с семейством да Винчи, Антонио ди Пьеро дель Вакка, по прозвищу Аккаттабрига, что означает “задира”, хотя, по счастью, человек он был, похоже, смирный.

У Пьеро да Винчи и его родителей имелся семейный дом с небольшим садом, примыкавшим прямо к стенам замка в центре села Винчи. Возможно, именно в этом доме и родился Леонардо, хотя есть и доводы против такого предположения. Скорее всего, было бы неудобно или неприлично, если бы в тесном семейном доме да Винчи жила еще и беременная, а затем кормящая женщина-крестьянка, тем более что сер Пьеро собирался жениться на девушке из известного семейства и вел переговоры о приданом.

Если верить легенде и местным деятелям туристической отрасли, Леонардо родился в деревенском доме из серого камня рядом с большим крестьянским домом в трех километрах от Винчи, в соседней деревушке Анкиано. Сегодня в этом доме размещается маленький музей Леонардо. С 1412 года частью недвижимости владела семья Пьеро ди Мальвольто, близкого друга семьи да Винчи. Сам Пьеро был крестным Пьеро да Винчи, а в 1452 году стал крестным отцом новорожденного сына Пьеро, Леонардо, — что, конечно, было бы неудивительно, если бы Леонардо родился в принадлежащем ему доме. Семьи были очень близки. Дед Леонардо Антонио выступал свидетелем при подписании контракта, касавшегося некоторых частей анкианского имущества Пьеро ди Мальвольто. В бумагах, описывающих сделку, говорится, что Антонио находился в доме по соседству и играл в нарды, когда его попросили стать свидетелем. В 1480-е годы Пьеро да Винчи приобретет часть собственности друга.

В пору рождения Леонардо на ферме Пьеро ди Мальвольто жила его мать, семидесятилетняя вдова. Таким образом, здесь, в деревушке Анкиано, на расстоянии небольшой пешей прогулки от Винчи, всего в трех километрах, в крестьянском доме, рядом с которым стоял запущенный домик, жила вдова, дружившая по крайней мере с двумя поколениями семейства да Винчи. И, если верить местным преданиям, именно этот обветшалый домик (который семья объявляла непригодным для жилья, видимо, желая избежать уплаты лишних налогов) был идеальным и безопасным местом, где нашла приют беременная Катерина⁶.

Леонардо родился в субботу, а на следующий день местный священник крестил его в приходской церкви Винчи. Купель того времени сохранилась до наших дней. Несмотря на обстоятельства рождения мальчика, его крещение стало большим праздником и привлекло немало народу. Засвидетельствовать событие явились десять крестных родителей, в том числе Пьеро ди Мальвольто (в этой церкви подобные торжества совершались нечасто), а среди гостей были представители местной знати. Спустя неделю Пьеро да Винчи покинул Катерину с младенцем и вернулся во Флоренцию, где в ближайший же понедельник заверял документы для клиентов⁷.

Леонардо не оставил нам никаких замечаний об обстоятельствах своего рождения, однако в его записных книжках можно найти вол-

нующую догадку о том, что природа одаряет особыми милостями дитя любви. “Мужчина, совершающий соитие с отвращением и против воли, творит потомство раздражительное и трусливое, — написал он. — Если соитие совершается с великой любовью и великим желанием с обеих сторон, тогда ребенок будет обладать великим умом и остроумием, живостью и изяществом”⁸. Поэтому хочется думать — или хотя бы надеяться, — что он относил самого себя ко второй категории.

В раннем детстве Леонардо жил на два дома. Катерина с Аккаттабригой поселились на маленькой ферме неподалеку от Винчи и поддерживали дружеские отношения с Пьеро да Винчи. Спустя двадцать лет Аккаттабрига работал с обжиговой печью, которую арендовал Пьеро, и они на протяжении многих лет выступали свидетелями друг для друга при подписании некоторых договоров и документов. В первые годы после рождения Леонардо у Катерины с Аккаттабригой родились четыре дочери и сын. А вот Пьеро с Альбиерой оставались бездетными. У отца Леонардо не появлялось новых детей, пока его первенцу не исполнилось 24 года. (Со временем сер Пьеро все-таки наверстал упущенное: в третьем и четвертом браке у него родилось не меньше одиннадцати детей.)

Поскольку отец жил главным образом во Флоренции, а семья матери постепенно росла, в пятилетнем возрасте Леонардо больше всего времени проводил в семейном доме да Винчи, с дедом Антонио, так любившим досуг, и его женой. В налоговой переписи 1457 года Антонио перечислял иждивенцев, проживавших вместе с ним, и в этом списке фигурирует его внук: “Леонардо, сын названного Пьеро, *non legittimo* [незаконный], рожденный от него и Катерины, которая ныне замужем за Аккаттабригой”.

В том же доме жил и младший брат Пьеро, Франческо, который был всего на пятнадцать лет старше племянника Леонардо. Франческо унаследовал от Антонио любовь к досужей сельской жизни, и его родной отец написал о нем в налоговом документе, что тот “слоняется по поместью и ничего не делает” (хотя уж чья бы корова мычала). Франческо стал для Леонардо любимым дядей и в чем-то заменил ему отца. Вазари в первом издании своей биографии даже делает говорящую ошибку (которую позднее исправил): он называет Пьеро дядей Леонардо.

“ЗОЛОТОЙ ВЕК ДЛЯ БАСТАРДОВ”

Как можно понять из того, что при крещении Леонардо присутствовало много народу, рождение внебрачных детей вовсе не считалось чем-то позорным. Якоб Буркхард, живший в XIX веке историк культуры, даже назвал эпоху Возрождения в Италии “золотым веком для бастардов”¹⁰. Незаконнорожденность, особенно среди правящих и аристократических сословий, отнюдь не являлась помехой для карьеры. Пий II, занявший папский престол в год рождения Леонардо, писал о своем посещении Феррары, где среди встречавших его было семь князей из правящего рода Эсте, в том числе властитель Феррары, причем все они были рождены вне брака. “Это удивительное семейство, — писал Пий, — власть в нем еще ни разу не перешла к законному наследнику; сыновья любовниц неизменно оказывались куда удачливее, нежели сыновья законных жен”¹¹. (Сам Пий сделался отцом по меньшей мере двух незаконных сыновей.) Папа Александр VI, тоже современник Леонардо, имел множество любовниц и незаконнорожденных детей. Одним из них был Чезаре Борджиа, со временем сделавшийся кардиналом, главнокомандующим папской армией, заказчиком и покровителем Леонардо, а также вдохновителем и персонажем “Государя” Макиавелли.

Однако средние сословия не столь снисходительно относились к незаконнорожденным. Желая защитить свой новообретенный статус, купцы и ремесленники создавали свои профессиональные цеха, уставы которых предъявляли к членам гильдии строгие моральные требования. Хотя некоторые гильдии и допускали в свои ряды незаконных детей тех, кто уже в них состоял, в *Arte dei Giudici e Notai* — основанной еще в 1197 году почтенной гильдии судей и нотариусов, к которой принадлежал отец Леонардо, дело обстояло иначе. “Нотариус являлся профессиональным свидетелем и писцом, — писал Томас Кюн в книге «Незаконнорожденность во Флоренции эпохи Возрождения». — От него требовалась безукоризненная благонадежность. В нем желали видеть безоговорочно полноценного члена общества”¹².

Эти ограничения имели и положительную сторону. Незаконнорожденность развязывала руки некоторым одаренным и вольнолюбивым молодым людям, склонным к творческим занятиям, а в ту эпоху творчество находило все большую поддержку. Среди поэтов,

художников и ремесленников, рожденных вне брака, были Петрарка, Боккаччо, Лоренцо Гиберти, Филиппо Липпи и его сын Филиппино, Леон Баттиста Альберти и, конечно же, Леонардо.

Незаконнорожденным было труднее, чем просто чужакам. Их происхождение подразумевало двойственный статус. “Жизнь бастардов осложнялась тем, что они вроде бы считались членами семьи, но не вполне”, — писал Кюн. Некоторым это помогало (а кого-то и вынуждало) проявлять больше отваги и самостоятельности. Леонардо одновременно входил в семью, принадлежавшую к среднему классу, и существовал отдельно от нее. Подобно многим писателям и художникам, он рос, ощущая себя частью мира и в то же время глядя на него отстраненно. Эта неопределенность распространялась и на вопросы наследования: целый ряд несовместимых законов и противоречивых судебных прецедентов не позволял точно установить, имеет ли внебрачный сын право наследовать имущество, и через много лет Леонардо еще предстояло хлебнуть горя в тяжбах со сводными братьями. “Умение выходить из подобных двусмысленных положений являлось одной из характерных примет жизни в городах-государствах эпохи Ренессанса, — рассказывал Кюн. — Потому-то в городах вроде Флоренции особенно бурно развивались идеи гуманизма и процветали художественные промыслы”¹³.

Поскольку флорентийская гильдия нотариусов не допускала в свои ряды тех, кто был *non legittimo*, Леонардо удалось обратить себе на пользу привычку вести записи, которая явно передавалась в его семье по наследству, и в то же время сохранить свободу и заниматься тем, чем ему хотелось. Здесь ему повезло. Из него получился бы плохой нотариус: ему быстро все надоедало, он легко отвлекался, особенно если задача становилась слишком уж привычной и неувлекательной¹⁴.

УЧЕНИК ОПЫТА

Другим плюсом незаконнорожденности Леонардо стало то, что его не отправили учиться в одну из “латинских школ”, где в эпоху раннего Возрождения изучали латынь, древнюю историю и античную литературу холеные законные сыновья богатых купцов и ремесленников, собиравшиеся продолжить отцовское дело¹⁵. Если не считать

обучения в начальной школе азам математики по абаку (счетам), Леонардо оставался самоучкой. Он нередко занимал оборонительную позицию, по-видимому, никогда не забывая о том, что он — “человек не ученый” (“*senza lettere*”), как он не без иронии себя называл. И в то же время он гордился тем, что отсутствие формального образования сделало его учеником опыта и опытов. “*Leonardo da Vinci, discepolo della sperientia*”¹⁶ — так он однажды подписался. Такая позиция вольнодумца освобождала его от оков, обычно стеснявших приверженцев традиционного мышления. В своих записных книжках он гневно обрушивался на чванных глупцов, которые сочли бы его неучем:

Хорошо знаю, что некоторым гордецам, потому что я не начитан, покажется, будто они вправе порицать меня, ссылаясь на то, что я человек без книжного образования. Глупый народ! Они расхаживают чванные и напыщенные, разряженные и разукрашенные не своими, а чужими трудами... Скажут они, что, не будучи словесником, я не смогу хорошо сказать о том, о чем хочу трактовать. Не знают они, что мои предметы более, чем из чужих слов, почерпнуты из опыта¹⁷.

Так Леонардо избежал необходимости погружаться в пыльную схоластику и забивать голову теми средневековыми догмами, которые накопились за тысячелетие между упадком классической учености и зарождением оригинальной мысли. Отсутствие трепета перед чужим авторитетом и готовность оспаривать заемную премудрость позволят ему нащупать эмпирический подход к постижению природы, предвосхищавший научные методы, которые только более века спустя разработают Бэкон и Галилей. Леонардо исходил из опыта, любознательности и способности дивиться таким явлениям, на которые большинство из нас чаще всего перестает обращать внимание, выйдя из детского возраста.

К этому добавлялось острое желание и умение наблюдать чудеса природы. Он заставлял себя рассматривать разные формы и тени в мельчайших подробностях. Особенно хорошо ему удавалось схватывать суть движений — будь то мелькание быстро хлопающего птичьего крыла или чувств, пробегающих по человеческому лицу. На этой основе он проводил опыты — иногда в уме, иногда посредством рисунков, а изредка и при помощи осязаемых предметов.

“Сначала я сделаю некий опыт, прежде чем пойду дальше, — пояснил он, — ибо мое намерение сначала провести опыт, а затем посредством рассуждения доказать, почему данный опыт вынужден протекать именно так”¹⁸.

Для ребенка, одаренного такими наклонностями и талантами, это была благоприятная эпоха. В 1452 году Иоганн Гутенберг открыл свою типографию, а вскоре и другие печатники, взяв на вооружение его станок с подвижными литерами, принялись печатать книги, которые несли множество знаний для людей вроде Леонардо — не учившихся в школе и университетах, но одаренных ярким умом. Для Италии начинался сорокалетний период мира, когда ее не раздирали вечные междоусобные войны между городами-государствами. По мере того как власть переходила от титулованных землевладельцев к городскому купечеству и банкирам, богатевшим благодаря развитию законов, счетоводства, кредитов и страхования, росло количество людей, умевших читать и считать, доходы тоже заметно росли. Турки-османы готовились к захвату Константинополя, и в Италию хлынул оттуда поток ученых, которые везли с собой рукописи, таившие древнюю мудрость Евклида, Птолемея, Платона и Аристотеля. Почти одновременно с Леонардо родились Христофор Колумб и Америго Веспуччи, которым предстояло возвестить эпоху великих географических открытий. А Флоренция, где наперебой бросилось меценатствовать преуспевающее купечество, ища себе прижизненной славы, превратилась в колыбель ренессансного искусства и гуманизма.

ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Самое яркое воспоминание своего раннего детства Леонардо записал пятьдесят лет спустя, когда изучал полет птиц. Он писал о коршуне, птице из семейства ястребиных, у которого раздвоенный хвост и изящные длинные крылья, позволяющие ему парить и скользить по воздуху. Наблюдая за коршуном и, как обычно, не упуская ни малейшей подробности, Леонардо заметил, что тот взмахивает несколько раз крыльями, потом движется уже без взмахов, а когда приземляется, опускает хвост¹⁹. Потом у него в памяти всплывает эпизод из раннего детства: “Я так подробно писал о коршуне потому, что он — моя судьба, ибо мне в первом воспоминании моего детства

кажется, будто явился ко мне, находившемуся в колыбели, коршун, и открыл мне рот своим хвостом, и много раз хвостом этим бил внутри уст”²⁰. Как это часто бывало с Леонардо, здесь, скорее всего, не обошлось без фантазии и вымысла. Очень трудно поверить, что хищная птица действительно слетела к колыбели, да еще открыла младенцу рот хвостом, и даже сам Леонардо как будто сомневается в том, что все так и было, говоря “кажется”, как будто все происходило отчасти во сне.

Вся эта история — детство, проведенное с двумя матерями, частое отсутствие отца и воображаемое оральное общение с бьющимся хвостом — великолепная пища для психоаналитиков. На нее и в самом деле клюнули — и не кто иной, как Зигмунд Фрейд собственной персоной. В 1910 году Фрейд положил эпизод с коршуном в основу своего короткого очерка “Воспоминания Леонардо да Винчи о раннем детстве”²¹.

Фрейд споткнулся уже в самом начале: в руки ему попал плохой немецкий перевод, где птица была ошибочно названа грифом, а не коршуном. Отклонившись от основной темы, Фрейд пустился в длинные рассуждения о том, почему гриф в Древнем Египте считался символом материнства, и даже полез в этимологические дебри, пытаясь установить связь между словами “гриф” и “мать”. Все это, разумеется, было совершенно несущественно и, как признал позднее сам Фрейд, только сбивало читателя с толку²². Если же оставить в стороне путаницу с названиями птиц, то суть анализа сводилась к следующему: слово “хвост” во многих языках, включая итальянский (*coda*), является эвфемизмом для обозначения мужского полового члена, а значит, детское воспоминание Леонардо имеет прямое отношение к его гомосексуальности. “Представление, заключающееся в фантазии, что коршун открыл рот ребенку и хвостом там усиленно работал, соответствует представлению о *fellatio*”, — пишет Фрейд*. Подавленные желания Леонардо, рассуждал он, находили себе выход в лихорадочной творческой деятельности, однако он оставлял многие работы незаконченными, потому что его что-то сковывало.

Такие толкования подверглись убийственной критике (особую известность получили доводы искусствоведа Мейера Шапиро²³). Действительно, они — во всяком случае, на мой взгляд, — расска-

* Цитата в переводе Р. Додельцева.

зывают куда больше о самом Фрейте, чем о Леонардо. Биографам не стоит подвергать психоанализу личности людей, живших за пятьсот лет до них. Возможно, в полувидении-полувоспоминании Леонардо просто отразился интерес к полету птиц, не оставлявший его всю жизнь, и именно в связи с полетом он рассказал тот эпизод. И вовсе не нужно быть Фрейдом, чтобы догадаться, что сексуальные порывы часто сублимируются в честолюбие и в иные страстные увлечения. Леонардо и сам отмечал это. “Умственная страсть прогоняет чувственность”, — записал он в одном из своих блокнотов²⁴.

Гораздо больше света на склад характера и интересы Леонардо проливает другое записанное им воспоминание — об одной пешей прогулке в окрестностях Флоренции. Он рассказывает, как случайно набрел на темную пещеру и задумался, стоит ли входить в нее. “Блуждая среди темных скал, я подошел ко входу в большую пещеру. На мгновение я остановился перед ней пораженный, — рассказывал он. — Я наклонился вперед, чтобы разглядеть, что происходит там в глубине, но великая темнота мешала мне. Так пробыл я некоторое время. Внезапно во мне пробудилось два чувства: страх и желание; страх перед грозной и темной пещерой, желание увидеть, нет ли чего-то чудесного в ее глубине”²⁵.

Желание перевесило. Неудержимое любопытство Леонардо восторжествовало, и он вошел в пещеру. И там, в стене, он обнаружил окаменелого кита. “О, могущественное и некогда одушевленное орудие искусной природы, — писал он, — тебе недостаточно больше твоих сил”²⁶. Некоторые ученые полагали, будто он описал воображаемую прогулку или даже переиначил какие-то стихи Сенеки. Но страница его блокнота, где записано это воспоминание, и соседние листы испещрены зарисовками множества слоев окаменелых раковин. К тому же в Тоскане действительно часто находили окаменелые кости китов²⁷.

Древний кит навевал мрачные образы, которые глубоко засели в памяти и преследовали его до конца жизни: это было видение апокалиптического потопа. На оборотной стороне листа он подробно описал яростную мощь, какой некогда обладал давно умерший кит: “Ты быстрым трепетом крыл и раздвоенным хвостом, разя перунами, рождал в море внезапную бурю, с великими крушениями и потоплением кораблей”. Затем он настроился на философский лад: “О время, скорый истребитель сотворенных вещей, сколько королей, сколько

народов ты уничтожило и сколько перемен государств и различных событий воспоследовало с тех пор, как чудесная форма этой рыбы здесь умерла в пещерных и извилистых недрах”.

Теперь уже Леонардо испытывал совсем иные страхи, чем просто страх перед опасностями, быть может, таящимися внутри пещеры. Его охватил экзистенциальный ужас перед разрушительной мощью природы. Он быстро водил серебряной иглой по тонированной красноватой бумаге, описывая апокалиптическую картину, которая начинается с воды и заканчивается огнем. “Реки лишатся своих вод, и земля перестанет рождать растительность; поля более не будут украшать колыхание пшеницы; все животные, не находя более зеленой травы на пастбище, погибнут, — писал он. — Так плодородную и плодоносную землю поглотит огненная стихия; а затем ее поверхность будет выжжена и испепелена, и всей земной природе придет конец”²⁸.

Темная пещера, куда Леонардо заставило войти любопытство, наградила его и научными открытиями, и причудливыми фантазиями, которые с тех пор всегда переплетались между собой. Он выдерживал бури (и самые настоящие, и психологические) и проникал в темные тайники земли и души. Но интерес к природе всегда побуждал его узнавать все больше и больше. И любованье чудесами природы, и мрачные предсказания находили выражение в его искусстве, начиная с изображения святого Иеронима, страдальчески скорчившегося у входа в пещеру, и заканчивая рисунками и словесными описаниями апокалиптического потопа.